

Фото: Павел Сергеев

18.05.2016, 12:08 **Вся Россия**

СТАТЬИ

Длинный окольный путь

Одной из составляющих лишения свободы в России является этапирование, то есть доставка заключенного из одного места в другое, прежде всего — из СИЗО в колонию. Нередко этот процесс происходит в почти полной неизвестности: ни родственники этаплируемого, ни адвокат в течение долгого времени не знают, где он находится. ОВД-Инфо описывает различные детали этого процесса.

В марте правозащитники Челябинской области **подняли тревогу**: кинорежиссер Олег Сенцов, приговоренный к 20 годам колонии строгого режима по **«Делу крымских террористов»**, уже две недели как уехал из региона по этапу, а о нем ни слуху ни духу. В Челябинскую область Сенцов и второй осужденный по делу, антифашист

Александр Кольченко, прибыли еще в феврале, после чего Кольченко был переведен в одну из местных колоний. О Сенцове на тот момент имелась лишь неофициальная информация о том, что его собираются отправить в Якутию.

Правозащитники, члены областной Общественной наблюдательной комиссии за местами лишения свободы Николай и Татьяна Щур опубликовали обращение к коллегам о Сенцове. Оно было подхвачено в соцсетях, после чего появилась неофициальная информация о местонахождении осужденного: иркутский адвокат Владимир Лухтин **написал** в Twitter, что Сенцов был в Иркутской области, а оттуда «воздухом (то есть на самолете — *ОВД-Инфо*) ушел на СИЗО Якутска».

Наконец, от сестры Сенцова стало известно, что он в Якутске — сначала «нашелся» в СИЗО, потом выяснилось, что он там уже пять дней и его переправляют в колонию. Все это время официальных комментариев о местонахождении Сенцова никто не давал.

Осужденный по тому же делу Геннадий Афанасьев, уже отбывавший наказание в Республике Коми, вдруг в мае оказался в Москве, в СИЗО «Лефортово», причем, как **сообщает** член московской ОНК Зоя Светова, обнаружили его правозащитники только 11 мая, а привезли его туда еще 2 мая вместе с другим украинским заключенным, Игорем Солошенко, осужденным по обвинению в шпионаже.

В такой же неизвестности пребывали недавно родственники и адвокаты авиадиспетчера из Сочи **Петра Парпулова**, приговоренного к двенадцати годам колонии строгого режима по обвинению в разглашении государственной тайны. 15 апреля он был отправлен из Краснодара в Москву на рассмотрение апелляционной жалобы. Позднее стало известно, что его помещали

в СИЗО в Волгограде. И только в начале мая его обнаружили в Москве, в «Матросской тишине».

Эти истории дали повод в очередной раз задуматься, что же происходит в России с этапированием заключенных, в особенности тех из них, кто подвергается политическому преследованию.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ

Заключенных могут возить в другие города и даже регионы еще до приговора. Подследственных отправляют в другой регион для проведения следственных действий. Такое происходило, например, с Леонидом Развозжаевым, которого помимо организации и приготовления к организации массовых беспорядков обвинили еще и в разбое с **похищением партии меховых шапок** в Ангарске. Несмотря на то, что срок давности по этому эпизоду, якобы имевшему место в 1997 году, уже истек, его в конце 2012 года этапировали из Москвы в Иркутскую область (причем адвокатам далеко не сразу стало известно, где он) и только через три месяца привезли обратно. За это время дело о разбое успели закрыть, но и в Иркутске, и в Челябинске, где Развозжаева на некоторое время размещали по дороге туда и обратно, его, как он рассказывал, подвергали «чудовищному давлению», склоняя к сотрудничеству по основному делу.

Бывает, что суд и СИЗО находятся в разных городах. Так, обвиненного в вымогательстве ростовского журналиста **Александра Толмачева** во время суда то и дело перевозили из СИЗО № 2 в Армавире в изолятор временного содержания при ОВД Кущевского района (его дело рассматривал Кущевский районный суд) и обратно — до следующего заседания.

Перевод из СИЗО в ИВС для проведения следственных действий и судебных слушаний регулируется **законом** «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». В нем, в частности, говорится, что в ИВС в таких случаях подследственный или подсудимый может содержаться не более десяти суток. Толмачева оставляли в ИВС на более долгие сроки.

Что же касается этапирования уже осужденных, то этот порядок прописан в первую очередь в нескольких статьях Уголовно-исполнительного кодекса, а также в **инструкции** Минюста о порядке направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания. **Статья 75 УИК** — «Направление осужденных к лишению свободы для отбывания наказания» — предполагает, что это направление происходит не позднее десяти дней с того момента, как СИЗО получает извещение о вступлении приговора в силу (на тюремном языке этот документ называется «законка»).

Но между самым вступлением приговора в силу и получением «законки» может пройти куда более долгий срок. Этим, как правило, и объясняется тот факт, что некоторые заключенные остаются в СИЗО еще довольно долго после заседания апелляционной инстанции и не едут в колонию, где условия содержания все же несколько лучше. Впрочем, осужденного может также задержать болезнь — так, осужденный по «Болотному делу» Сергей Кривов прождал этапирования больше двух месяцев, но перед этим он перенес в СИЗО инфаркт миокарда. Иногда после решения апелляционной инстанции человек может подать жалобу на приговор в следующую инстанцию, кассационную — тогда его пребывание в СИЗО могут продлить.

А могут держать долго и без этого. Сенцов, Кольченко, Развозжаев провели в СИЗО больше двух месяцев после вступления приговора в силу. Антифашист Алексей

Сутуга, осужденный за драку с националистами (следствие утверждало, что он бил одного из них стулом и молотком) — немногим меньше двух месяцев. Нижегородский анархист Илья Романов, который за взрыв самодельной петарды в руке был обвинен в подготовке теракта, ждал этапирования три месяца. Еще один крымчанин, Александр Костенко, осужденный за причинение вреда бойцу «Беркута» на Майдане — около полутора месяцев. Месяц или больше оставались в СИЗО после решения суда второй инстанции многие осужденные по «Болотному делу».

Далее в статье 75 УИК говорится, что администрация СИЗО «обязана поставить в известность одного из родственников по выбору осужденного о том, куда он направляется для отбывания наказания». Срок, в течение которого в СИЗО должны оповестить родственника, не указан. Из СИЗО могут направить родственникам официальное письмо, в котором говорится, когда и куда уехал заключенный, но идет оно долго. Поэтому и родственникам, и адвокатам приходится предпринимать различные усилия, чтобы узнать, что заключенного в СИЗО больше нет. Адвокат Александра Костенко, например, просто в какой-то момент обнаружил, что с подзащитным **утеряна связь**. Жене Ильдара Дадина, осужденного за «неоднократные нарушения» на публичных мероприятиях, удалось узнать, что ее мужа везут в Петербург, но в результате он оказался **не в том СИЗО**, о котором ей говорили сначала. Сам Дадин **сообщал** в письме на волю, что об этапировании узнал, когда ему непосредственно велели собирать вещи «на выход» (в СИЗО в таком случае говорят — «заказали»). Между тем, как правило, сотрудники СИЗО предупреждают заключенных об этапе накануне вечером (на этап заключенного выводят рано утром — в шесть или даже пять часов, так что времени на сборы все равно немного).

«Мне советовали брать на этап побольше еды и поменьше одежды, — рассказывает не так давно вышедший на свободу осужденный по „Болотному делу“ Алексей Полихович. — Еды побольше, потому что непонятно, как долго ехать — у тебя могут быть догадки, но конкретно никогда непонятно, куда ты едешь — и можешь долго ехать в поезде и сменить много пересыльных тюрем, в пересыльных тюрьмах можешь на месяц останавливаться. В тюрьме очень популярны полуфабрикаты, которые завариваются, — всякие „роллтоны“, супы быстрого приготовления, каши из хлопьев, которые завариваются горячей водой. А одежды поменьше, потому что неизвестно, в какую зону ты приедешь, а там могут на въезде все отобрать и отправить на склад, и если ты сидишь несколько лет, то твои вещи там за это время просто сгниют. Если ты будешь сидеть где-то в европейской части России, проще потом близким с воли привезти то, что недостает».

КУДА ВЕЗУТ

В соответствии со статьей 73 УИК «Места отбывания лишения свободы» и приказом Минюста ФСИН должна выбрать для осужденного колонию в регионе, где он «проживал либо был осужден». Администрация следственного изолятора получает из ФСИН информацию о свободных местах в колониях и на этом основании принимает решение о том, куда отправить человека. На территории Москвы колоний нет, а в Московской области колоний общего режима всего две — одна мужская, одна женская, поэтому из Москвы осужденных часто отправляют в более удаленные регионы. На этот счет в статье УИК сказано: «При отсутствии в субъекте Российской Федерации по месту жительства или по месту осуждения исправительного учреждения соответствующего вида или невозможности размещения осужденных в имеющихся исправительных учреждениях

осужденные направляются по согласованию с Федеральной службой исполнения наказаний в исправительные учреждения, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для их размещения». Фактически это означает, что из Москвы человека могут отправить куда угодно, где есть места, необязательно по соседству.

Из осужденных по «Болотному делу», приговор которым вступил в силу летом 2014 года, трое сидевших в «Бутырке» **были отправлены** в одну колонию в Рязанской области, а двое сидевших в «Воднике» — в Тульскую область, но в разные колонии. Впрочем, по всей видимости, объяснялось это не выбором администрации СИЗО, а их пропиской: зарегистрированные в Москве попали в Рязанскую область, а в Тульской оказались те, кто прописан в Подмосковье. Осужденный вместе с ними Ярослав Белоусов сначала задержался в Москве, поскольку подал заявление об условно-досрочном освобождении, а затем его **повезли в Ставропольский край**, хотя ему оставалось чуть больше месяца до окончания срока. До тамошней колонии он в результате так и не добрался и вышел на свободу из ставропольского СИЗО. Трудно сказать, имелся ли в этой истории чей-то злой умысел — Белоусов действительно прописан в Ставропольском крае. Более сложная история, в которой можно усмотреть пример давления со стороны системы, произошел с этапированием антифашиста Алексея Сутуги: его **этапировали** в Иркутскую область, где он был прописан до суда, но перед приговором семья продала квартиру, и Сутуга был из нее выписан, однако ФСИН не позволила прописать его в Москве.

Решение о том, куда отправить осужденных по статьям о терроризме или причастности к экстремистским организациям, принимает непосредственного ФСИН. Одного из «крымских террористов», Геннадия Афанасьева,

который дал показания против Сенцова и Кольченко, но на суде отказался от них, за что был подвергнут давлению со стороны оперативников, этапировали в Республику Коми. Это решение было оспорено, и суд **обязал** ФСИН объяснить, почему Афанасьев был отправлен отбывать наказание так далеко от дома. Ответ сводился к тому, что в тамошней исправительной колонии были свободные места. В результате суд **распорядился** признать за Афанасьевым право отбывать наказание с учетом 8-й статьи Европейской Конвенции по правам человека, признающей право на семейную жизнь. Защита Афанасьева сделала из этого вывод, что теперь его переведут ближе к дому. Однако в требовании перевести его в какой-нибудь соседний с Крымом регион незамедлительно суд отказал. На данный момент Афанасьев остается в Коми (Минюст **поручил** ФСИН подготовить документы для передачи его Украине, однако затем ему **вручили уведомление** о признании его гражданином России).

Непосредственно перемещение этаплируемых регулируется статьей 76 УИК «Перемещение осужденных к лишению свободы». В Москве в 1990-е годы осужденных перед этапом сначала переводили в СИЗО «Пресня», который считался транзитным, и оттуда уже везли дальше. Теперь же происходит так, как описывает Алексей Полихович, до этапа находившийся в «Бутырке»:

«С утра собирают человек двадцать-тридцать, едущих на этап, и сажают на „сборку“ — конвойное помещение, необустроенное, со скамейками. Любое передвижение заключенного в рамках системы ФСИН проходит через „сборку“: если ты едешь на суд, тебя тоже сначала на „сборку“ сажают. Там можно просидеть два-три часа и ждать. Перед этапом обычно долго ждешь, когда придет машина. Но мы не очень долго ждали. У всех огромные баулы, у некоторых по два. Всех шмонают, у меня отобрали машинку для стрижки волос. Машина — автозак ФСИН,

похожий по планировке на ментовский автозак, на которых мы ездили в суды, но по-другому раскрашенный: ментовские синие, а эти зеленые. Сажают в автозак, и ты едешь на вокзал. Тот, кто сидит впереди и кому видна дорога, говорит, куда мы едем, а все стараются угадать, на какой вокзал нас везут, то есть по какому направлению отправят. А по направлению примерно ясно, куда ты можешь попасть. Земля слухами полнится, все примерно знают, как где сидят. Восточное направление, Сибирь — плохо. Карелия — плохое направление. Недалеко от Москвы — где-то лучше, где-то хуже.

Привозят на вокзал, заезжают не совсем понятно куда, на какие-то пути, останавливаются. Начинают выгружать. Выгрузка заключенного из автозака и загрузка его в поезд — это критическая ситуация для охраны, потому что существует возможность побега. Поэтому выгрузка проводится очень жестко: они специально орут, пугают, нагоняют страх, рядом собаки лают — чтобы у зека не было желания сделать что-то не то. Ты бежишь с сумками в наручниках, пристегнутый к другому человеку, одна сумка за спиной, другая в руках. При этом надо пригибаться к земле, гусиным шагом, потом бежать, кричат „Не поднимай голову!“, чтобы ты не понял, где находишься, не смог сориентироваться. То есть либо ты сидишь и смотришь в пол, либо бежишь. Толпа заключенных добегают до перрона — где-то в депо, конечно, не на общем перроне — и загружается в „столыпин“».

ТРАНСПОРТ

Осужденных чаще всего этапируют по железной дороге в так называемых вагонзаках или «столыпинских вагонах». Вагоны разделены на зарешеченные отсеки, похожие на купе, в которые могут набиться более десяти человек.

В одном вагоне, но, конечно, в разных «купе», могут везти и мужчин, и женщин. «Охранников в вагоне я видел человек шесть, — вспоминает Полихович. — Когда выводят, один стоит у туалета, а другой ведет. Многое здесь зависит от того, какая команда ФСИН с тобой едет, из какого региона. Считается, например, что вологодский конвой — самый жесткий, он уже стал притчей во языцех. У нас были обычные нормальные мужики».

Статья УИК предписывает обеспечивать заключенных при перевозке необходимыми материально-бытовыми и санитарно-гигиеническими условиями, одеждой по сезону. Однако заключенные часто сталкиваются при этапировании в вагонзаках с проблемами, которые **перечислял** в эфире «Дождя» бывший председатель московской Общественной наблюдательной комиссии Валерий Борщев в связи с долгим этапированием Леонида Развозжаева:

«Невыдача постельного белья в ночное время. Невозможно сходить в туалет во время длительных стоянок. Плохое вентилирование и освещение камер, совместная перевозка здоровых и больных заключенных».

Когда этапировали Толоконникову, представители ФСИН сообщали, что она едет в купе с санитаркой. Позднее сама Толоконникова рассказывала, что ехала в обычном «столыпине». Сейчас в Челябинске, по словам члена местной ОНК Татьяны Щур, закупили какие-то более удобные вагоны, соответствующие европейским стандартам.

«Загружают в вагон всех как попало, а потом как-то сортируют по фамилиям, — рассказывает Алексей Полихович. — С тобой едет папка с твоим личным делом. У всех обычные папки, а у нас у троих огромные. Мы все втроем (Полихович, Андрей Барабанов и Артем Савелов, осужденные по „Болотному делу“, сидевшие в „Бутырке“ — ОВД-Инфо) оказались в одном „купе“.

Когда выгружают, они начинают бегать с этими папками, и опять наступает критическая ситуация. Правда, в Рязани было более спокойно, хотя они тоже орали, наводили шороху. Было жарко, помню. Забили в автозак — все мокрые, с этими сумками. С вокзала везут сразу в СИЗО. Ведут в баню. Опять шмон».

Краснодарский эколог Евгений Витишко, осужденный за надписи на заборе дачи, предположительно принадлежащей теперь уже бывшему губернатору Кубани, в самом начале этапа, который длился почти месяц, ехал в отдельном «купе». «Считали, видимо, что это для меня опасно или для кого-то опасно — поместить „олимпийского политзаключенного“ в общую камеру», — предположил он в разговоре с ОВД-Инфо. (Первоначально Витишко был приговорен к условному сроку, однако незадолго до Олимпиады, во время подготовки которой он неоднократно выступал с заявлениями об экологических проблемах в Сочи, срок ему заменили на реальный.) При этом в автозаке, везшем его на вокзал из СИЗО, Витишко ехал вместе с остальными заключенными. В отдельном «купе» эколог ехал до первой остановки — Волгограда. «Отношение было как ко всем — везде было холодно, кормили так же», — вспоминает Витишко. Позднее никто ему так и не объяснил, с чем была связана эта изоляция. От Волгограда до Тамбова он ехал уже в общем отсеке «столыпина».

Иногда могут возить и в автозаке — когда экипаж судна «Arctic Sunrise» и активистов «Гринпис» собирались перевозить из Мурманска в Петербург, появилась информация, что их погрузят в неотопливаемые (при температуре за бортом до минус восемнадцати) автобусы для заключенных, без туалетов, причем используют для этого все имеющиеся в Мурманской области шесть автозаков. Планировалось, что путешествие займет сутки. Однако в результате их везли в обычном вагонзаке. По прибытии его отцепили и отогнали на километр

от вокзала, после чего к нему подогнали автобус, на котором повезли в СИЗО. Самолет, как у Сенцова, используется реже.

Фото: Дмитрий Габышев

Вообще осужденные за терроризм (как Сенцов) и причастность к экстремистским организациям «переводятся или направляются только по персональным нарядам ФСИН России, подготовленным оперативным управлением, — говорится в упоминавшейся выше инструкции Минюста. — В целях отличия вышеуказанных лиц от других категорий спецконтингента на справке по личному делу по диагонали наносится полоса зеленого цвета. О планируемых перемещениях за пределы субъекта Российской Федерации осужденных, состоящих на оперативном учете, оперативное управление информирует управление конвоирования и специальных перевозок».

ПОЧЕМУ ТАК ДОЛГО?!

Это основной вопрос, который возникает в связи с доставкой заключенных в колонию. Возможный ответ — потому что срок доставки заключенных законом вообще никак не ограничен. Нередко от момента отправки из СИЗО до обнаружения в конечной или даже промежуточной точке (пересылке) проходит две, а то и три недели. Толоконникова, например, находилась на этапе немногим меньше месяца. Осужденным по «Болотному делу», ехавшим в Рязанскую область, повезло — они добирались всего четыре часа, столько же едут от Москвы и некоторые обычные поезда (а «болотникам» случалось из суда до СИЗО ехать дольше). Между тем, по словам Полиховича, в рязанском СИЗО им встречались люди, которых от Москвы до Рязани везли целый месяц,

совершая для этого странные «крюки» с остановкой, например, в Саратове.

Такую протяженность этапа во времени можно объяснить и тем, что заключенных, отправляющихся из одного СИЗО в одном вагоне, должны в конце концов доставить в колонии в разных регионах, поэтому кого-то из них приходится пересаживать. Система же оповещения за этим не поспевает и, видимо, не хочет поспевать: пока человек находится на этапе, ФСИН никому не сообщает, где он.

Евгений Витишко, которого везли из Краснодара в Тамбовскую область, пробыл на первой пересылке в Волгограде около десяти дней, затем его доставили в Воронеж, где продержали около недели, и наконец до Тамбова. Здесь до отправки в местную колонию-поселение Витишко четыре дня провел в исправительной колонии № 1, использующейся в качестве пересыльного пункта, — по его словам, «в абсолютно безобразных условиях: в камеру, где пять или семь человек должно находиться, засунули тридцать, выдали три матраса». Позднее Витишко неоднократно жаловался на условия содержания заключенных, и, по-видимому, его жалобы возымели действие, поскольку с тех пор в Тамбовской области сменилось все начальство УФСИН.

Тамбов, исправительная колония № 1. Фото: 68.фсин.рф

Далеко не всем заключенным удастся дать о себе знать, каким-то образом добравшись до телефона или передав весточку через кого-то. О том, что человек добрался до места назначения, может стать известно значительно позже фактического доставления. В [статье 17 УИК](#) говорится, что администрация колонии обязана сообщить о доставке осужденного его родственникам и адвокату не позднее десяти дней со дня прибытия. С момента, когда адвокат хватился Александра Костенко в крымском СИЗО,

до того, как он **позвонил** в одну из колоний Кировской области и узнал, что его подзащитный находится там, прошел опять же почти месяц. Илья Романов **обнаружился** в колонии Мордовии через три с лишним недели после отправки из Нижнего Новгорода (днем ранее **сообщалось**, что его не могут найти на территории республики).

Случается, что человек надолго застревает в пересылочном СИЗО до отправления в колонию. Так, Ильдара Дадина держат в петербургском СИЗО более 20 дней.

А вот что происходило на этапе с Петром Парпуловым (в **пересказе** журналистки, члена московской ОНК Зои Световой):

«Он три недели ехал по этапу из Краснодара в Москву на заседание по апелляции в Верховном суде. Ехал он так долго, что заседание суда, назначенное на 5 мая, пришлось перенести на 18 мая. В Волгоградском СИЗО он пробыл 17 дней, в Воронежском — сутки, в Ельце еще сутки. Все СИЗО переполнены. В краснодарском транзитном СИЗО в камере на 12 человек находилось 72 человека. В Волгограде две недели был в больших камерах, где на 12 шконках умещалось 30 человек. Спали по очереди, на полу. Дали хоть матрасы и то ничего, говорит Парпулов. А в Ельце матрасов не было. Лекарства у него, страдающего гипертонией, на этапе отобрали».

И все же, по словам члена челябинской ОНК Татьяны Щур, чаще всего о прибытии человека удастся узнать в обход официальных инстанций, благодаря «тюремному радио» — информацию передают сокамерники, бывшие сидельцы, коллеги-правозащитники из других регионов, сами родственники заключенных. Но, например, когда Щур стало известно, что в челябинскую «пересылку» должна прибыть Толоконникова и правозащитники пошли ее искать, им не удалось узнать, прибыла ли она, хотя начальник СИЗО неофициально сообщил, что для

Толоконниковой даже уже приготовлена камера. Позднее выяснилось, что участницу Pussy Riot высадили до Челябинска, в Златоусте, где пересыльных учреждений нет. Об этом правозащитники узнали только после того, как Толоконникову доставили в Красноярск. «Если не захотят показывать, то не покажут, — признает Щур. — Ее могли привезти в СИЗО, мы бы ждали ее, ходили искать по камерам, а они водили бы ее туда-сюда, прятали бы от нас по всему СИЗО. Даже если человек находится на территории изолятора, есть столько возможностей скрыть человека от нас!»

Прятали от челябинских правозащитников и украинца **Николая Карпюка**, которого во время следствия по непонятным причинам перевезли с Северного Кавказа на Урал. Это было не единственное долгое путешествие Карпюка в статусе преследуемого: арестовали его в Брянской области, откуда перевезли в Северную Осетию, где, как он сообщил позднее, подвергли пыткам, а уже из Челябинской области его доставили на суд в Чечню. О его местонахождении долгое время вообще не было неизвестно совсем ничего, адвокаты какое-то время не исключали даже, что Карпюка нет в живых. Когда челябинским правозащитникам стало известно, что Карпюка переводят к ним в регион, они предположили, что он находится в СИЗО № 7, который раньше был в ведении ФСБ и, хотя уже несколько лет как передан ФСИН, остается под неофициальным контролем службы безопасности. Карпюка правозащитникам так и не показали — выдали справку, что его отвели на флюорографию, — но они удостоверились, что он действительно в этом СИЗО — на двери одной из камер была его фамилия, и внутри имелись признаки того, что камера жилая. Позднее кто-то из администрации сказал им: «Вы же понимаете, что мы его все равно вам не показали бы, даже если бы вы там ночевали».

А вот Сенцова правозащитники спокойно нашли в камере через неделю после его прибытия. «Может быть, там не поняли, кто такой Сенцов — например, ориентировка не та пришла», — предполагает Щур.

Впрочем, несмотря на все эти препятствия на пути получения информации об этапировании и местонахождении заключенных, правозащитница отмечает, что нынешняя ситуация лучше той, в которой находились заключенные в советское время: «Есть интернет, все равно вылезет какая-то информация, зеки родственникам звонят, бывшие (заключенные — *ОВД-Инфо*) приходят к нам и что-то рассказывают».

Последний «этап этапа» — доставка уже непосредственно в колонию. Происходит это, как правило, в автозаке ФСИН. В колонии после детального обыска («все переворачивают, отбирают сахар, чтобы брагу не делали», — рассказывает Полихович) заключенного бреют налысо, отправляют в душ и затем — на некоторое время на карантин, в изоляцию: здесь, «чтобы не расслаблялись», стоят камеры, сотрудники обходятся строго, два раза в день проводят проверки. Пока человек находится в карантине, проходит медицинские обследования и ждет распределения в отряд, другие заключенные часто подходят к огороженному зданию, где он сидит, — там завязывается знакомство.

Болотное дело

Уголовное дело, заведенное после столкновений в Москве на Болотной площади 6 мая 2012 года. Преследованию подвергнуто более 30 человек, одно из самых крупных политических дел современной России.

Дело о заборе Ткачева

11 47

Дело крымских террористов

9 110

Дело «Ив Роше»

7